

Сборникъ товарищества „Знаніе“. Кн. 20-я. 348 стр., цѣна 1 р. Спб. 1908 г.

Въ 20 книжкѣ „Сборника“ заканчиваются интересныя записки извѣстнаго врача В. Вересаева „На войнѣ“, начатыя печатаніемъ въ 17-й кн. Мрачный колоритъ картины образуется изъ отдѣльныхъ мелкихъ черточекъ, чутко схваченныхъ съ натуры наблюдательнымъ художникомъ-врачемъ. Здѣсь много отрывочныхъ сценъ, разговоровъ, замѣчаній, много страницъ съ сырымъ, необработаннымъ матеріаломъ, изъ записной книжки, но все это читается и укладывается въ сознаніи, какъ нѣчто цѣльное, глубоко волнуетъ и заставляетъ страдать вмѣстѣ съ авторомъ.

Къ дѣятельности госпиталей на войнѣ Вересаевъ относится крайне отрицательно.

— Почти 1½ года пробыли мы въ Маньчжуріи. Много было фишеній, много пережито тяжелаго.

Оборудованіе нашего подвижнаго госпиталя стоило около полутора тысячъ, ежемѣсячный бюджетъ его былъ въ 6—7 тысячъ; 125 человекъ было оторвано отъ своего дѣла въ Россіи и придано къ госпиталю.

Что же мы тутъ дѣлали? Въ промежуткѣ между боями по цѣлымъ мѣсяцамъ стояли свернутыми или принимали единичныхъ больныхъ, чтобы сейчасъ же отправить ихъ дальше. Когда наступалъ бой, мы почти въ самомъ началѣ его свертывались и поспѣшно уходили назадъ.

Если бы насъ здѣсь не было, если бы нашъ госпиталь совсѣмъ не существовалъ, рѣшительно никто отъ этого не пострадалъ бы, никто бы даже не замѣтилъ нашего отсутствія.

Итогъ, дѣйствительно, получился печальный. Но хочется думать, что только обострившееся подъ вліяніемъ всего видѣннаго и слышаннаго на войнѣ чувство личной совѣстливости и отвѣтственности, окрашиваетъ въ такой безнадежный цвѣтъ и собственное дѣло, дѣло врачей и санитаровъ.

Что врачебно-санитарныя организаціи, не смотря ни на что, сослужили свою службу на войнѣ, объ этомъ мы знаемъ теперь изъ отчета общеземской организаціи, которая удостоверяетъ, что и учрежденія Краснаго Креста въ которыхъ работалъ Вересаевъ, на этотъ разъ были лучше организованы, чѣмъ въ предыдущую кампанію.

Отсутствіе этой работы солдатъ замѣтилъ бы и, конечно, въ несравненно бы большой степени пострадалъ....

Занимающій третью часть сборника „Кровавый разливъ“ Д. Айзмана не только не слѣдовало ставить въ началѣ книги, но во всѣхъ отношеніяхъ выгодно было бы выбросить. Помѣщеніемъ подобныхъ, лубочно-безвкусныхъ произведеній подорваны былыя симпатіи читателей къ сборникамъ „Знанія“. Чѣмъ чаще стали появляться отдѣльные выпуски, тѣмъ ниже стоитъ достоинство входившихъ въ нихъ вещей. Сборники еще держатся именемъ М. Горькаго. И Т-во слишкомъ злоупотребляетъ и эксплуатируетъ это имя. По 4 книгамъ „Сборника“ (11—13 и 15) разбросало оно мелкіе и случайные наброски Горькаго, какъ результатъ его впечатлѣній отъ поѣздки въ Америку.

И чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе сказывается эта наклонность разжижать сочную кисть М. Горькаго. Великолѣпная его повѣсть „Мать“ растянута на 5 книжекъ, и преподносится читателямъ въ изуродованномъ видѣ,—особенно много пропусковъ, отмѣченныхъ многоточіями, въ послѣдней 20-й книгѣ; конца повѣсти все-таки нѣтъ.

Но уже и теперь, можно сказать, что это произведеніе М. Горькаго станетъ рядомъ съ тѣми беллетристическими хрониками, которыми подарили русскую художественную литературу Тургеневъ и Достоевскій и которыя охватываютъ въ своемъ содержаніи цѣлыя полосы нашей общественно-политической жизни.

Въ новой повѣсти М. Горькій окончательнo порываетъ съ прежними симпатіями. Вмѣсто индивидуалиста, пѣвца выдѣлившись чѣмъ-либо надъ людскою толпою личностей, передъ нами художникъ-писатель съ глубокими общественными симпатіями, съ любовью выписывающій рядовыхъ работниковъ большого дѣла...

Вмѣсто прежнихъ пренебреженій, насмѣшекъ и отчасти недоброжелательства къ мужику, деревенщинѣ,—здѣсь ясно намѣчается поворотъ въ противоположную сторону. Большое сердце писателя чутко прислушивается къ новымъ теченіямъ въ деревнѣ. Онъ уже не отрицаетъ всю ее цѣликомъ, хотя видитъ и отрицательныя стороны; кое-что не прочь даже идеализировать въ новыхъ людяхъ деревни.

Городъ и деревня въ его представленіи подають другъ другу руку и съ высоко поднятыми факеломъ знанія, науки, идутъ къ одной и той же цѣли, движутся впередъ одинаковыми общечеловѣческими стремленіями.

Личность не рвется изъ окружающей жизни, тоскуя и не удовлетворяясь ею, не строитъ своего поведенія, поступковъ и словъ на красивой идеѣ о свободѣ,—свободѣ отдѣльнаго индивидуума. Такъ было раньше. Теперь для Горькаго абсолютная свобода личности—ложь, которой прикрываются современные циники (см. его статью „О цинизмѣ“ въ сборникѣ „Литературный распадъ“).

И въ новой повѣсти „Мать“ нѣтъ гимновъ свободной личности: здѣсь она отказывается отъ самой себя, своихъ правъ на особую жизнь, и строаетъ вся цѣликомъ на жертвенномъ огнѣ общественнаго долга.

Изъ другихъ произведеній, вошедшихъ въ 20-ю книжку „Сборника“, можно отмѣтить „На порогѣ жизни“ Евг. Чирикова; рассказъ читается съ интересомъ, но сюжетъ не новъ и обработанъ не глубоко.

„Заложница Карла Великаго“—новое произведеніе Г. Гауптмана—не выдвигаетъ ни новыхъ характеровъ, ни интересныхъ идей и положеній.